

Морис Шури

Парижская Коммуна в свете

неизданных документов архива префектуры полиции

перевод *Н. В. Рудницкой*

Французский ежегодник 1965

М.: Наука. 1966. С. 104-114

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Все материалы по истории Коммуны 1871 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

Книги М. Шури: «Париж был предан: истоки Парижской коммуны»

http://narod.ru/disk/7737869001/commune_chaury_1.pdf.html

«Коммуна в сердце Парижа»

http://narod.ru/disk/7879030001/commune_chaury_2.pdf.html

Мы поставили своей задачей воссоздать образ людей из народа, живших во время Коммуны в парижских кварталах. После книги «Коммуна в Латинском квартале»¹, действие которой разворачивается на левом берегу Сены, «Коммуна в центре Парижа»² воскрешает жизнь четырех первых округов столицы Франции, начиная с 1865 г., когда здесь обосновывается парижское бюро Интернационала, и кончая двумя, непосредственно последовавшими за «кровавой неделей». Однако, чтобы собрать материал для этой новой работы, мы не ограничились использованием обычных источников (досье военных судов Исторического архива военного министерства, досье просьб о помиловании из Национального архива, печатных источников Национальной библиотеки). Мы подвергли тщательному изучению весьма богатые и еще мало использованные архивы префектуры полиции. В данной работе мы подытоживаем вкратце для наших советских читателей те открытия, которые нам удалось сделать в недрах знаменитого Архива Куэ дез Орфевр (Quai des Orfèvres).

Если полицейские донесения, касающиеся революционных борцов той эпохи, не могут быть использованы без проверки, то сведения, которые дает нам полиция о своих провокационных методах, напротив, можно считать достоверными. Возьмем досье агента-провокатора Перну³. Этот любопытный субъект наряду с полицейской деятельностью в течение всей своей полувековой карьеры, работая последовательно под началом семнадцати префектов полиции, занимается также жульническими махинациями. Он осведомляет нас относительно способа, которым Вторая империя фабриковала свои «заговоры» против революционной оппозиции. Глава политической полиции Лагранж заставлял верить в постоянную угрозу со стороны тайных обществ, потворствуя, таким образом, маши министра Руэра, который вызывал к жизни республиканский призрак, чтобы одерживать победы во время плебисцитов. Будучи осведомлен о создании оппозиционной группы, в которую входили, в частности, Жюль Фонтен, Курне, Межи и Тони-Муален, Лагранж подослал в нее шесть своих тайных агентов. Толкая на «отважные» решения, агенты Лагранжа взялись организовать тайную подписку на покупку оружия, по на деле не кто иной, как Лагранж, предоставил средства, послужившие для вооружения заговорщиков. «Позднее, — шипит Перну, когда Межи убил агента Муро,

¹ M. Choury. La Commune au Quartier latin.

² M. Choury. La Commune au coeur de Paris. Выходит в издательстве «Editions sociales».

³ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 4218.

это было сделано при помощи пистолета, средства на покупку которого были предоставлены префектурой».

Лагранж, мечтавший о крупной карьере, толкал заговорщиков на химические эксперименты, ориентировал их использовать нитроглицерин, побуждал взорвать Тюильрийский дворец, но держался настороже, чтобы вмешаться до развязки. Лагранж имел своих людей и среди окружения простодушного Флуранса; они сыграли свою роль в «деле с бомбами». Что могло быть легче, чем сорвать заговор, тобой же сфабрикованный?

* * *

После того как империя рухнула, покрыв себя позором капитуляций под Седаном, буржуазные республиканцы установили 4 сентября 1870 г. свою диктатуру. Мы обнаружили в архиве префектуры полиции неизвестную рукопись Жоржа Кавалье, секретаря кабинета министра внутренних дел, которая знакомит нас с нравами «выскачок» (ragueux) из так называемого Правительства национальной обороны.

Буржуазные историки изображают обычно Кавалье неустойчивой личностью в прямом и переносном смысле слова. Кавалье же был инженером, окончившим в числе лучших Политехническую школу; он был не только милейшим малым, но и образованным человеком и вместе с тем тонким политиком. Его рукопись — незаконченная или исполная — представляет собой по форме сочинение в 98 страниц большого формата, озаглавленное «Шесть месяцев в пленной — воспоминания о кабинете Гамбетты, написанные очевидцем, Кавалье, но прозвищу «Пип ан буа» (Деревянная трубка)». Оно датировано январем 1873 г., Брюссель⁴. Кавалье не производит впечатления ревнителя культа личности. «Толще обязательно надо всегда создавать себе идола, дабы впоследствии низвергнуть его с пьедестала», — пишет он; и он здраво замечает, что если бы Гамбетта «пошел» вместе с Коммуной, то «республика прочно утвердилась бы». Рукопись заслуживает опубликования ее такой, какая она есть.

Кавалье рассказывает, как он прибыл на площадь Бово, где его встретил привратник, прослуживший 27 лет, который ругал дезертиров империи, «эту свору напыщеных шутов». Говоря о просителях «теплых» местечек, Пип ан буа добавляет: «Каких только типов не пришлось мне повидать! Один просит отправить его на юг, чтобы лечить свой ревматизм. Либурн⁵ слишком суров для его драгоценного здоровья, ему нужен Гравилл, по меньшей мере, Тулон⁶. Другой хочет поехать в округ, где у него имеются дела, требующие постоянного надзора, и тягбы, которые он сможет выиграть благодаря своему административному посту. Этот, исполненный воинственного пыла, не страшится ринуться навстречу врагу. Ему предлагают отправиться в осажденный Суассон⁷ ... Он пристаёт снова:

— Дражайший, мне бы префектуру! Хорошую префектуру — мне должны ее дать.

— Первоклассную, не так ли? Хотите в Руан? Она свободна.

— Руан? Это мне подходит...

— Дело сделано!

Проситель уходит, даже не раскланявшись. Она ему причитается. Его рука ложится уже на ручку двери...

— Но скажите мне, милейший, не вы ли обанкротились шесть месяцев тому назад?..

— Ба! Какое это имеет значение?

⁴ Six mois d'antichambre. Souvenir du cabinet de Gambetta par un témoin Cavalier dit Pipe-en-bois. — Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1004, pièce 244.

⁵ Супрефектура департамента Жировда.

⁶ Города Лаазурного берега.

⁷ Супрефектура департамента Эн (Aisne) (северо-восток).

А вот другой:

— Мне бы небольшую префектуру, будьте столь любезны!

— Весьма сожалею, мой бедный друг.

— Ну, хотя бы супрефектуру?

— Вам не везет, я только что отдал последнюю.

— Ну, тогда комиссариат полиции? Все, что вам угодно...

— Берите, вот все, что я могу для вас сделать...

И бедняга получает на память от Правительства национальной обороны старинную шляпу, почти... новую, которую Лорье⁸ не носит больше.

Кавалье объясняет нам, почему город Тур, находившийся слишком близко от Парижа и по своему расположению мало подходящий для того, чтобы дать толчок соприклинению провинции, был избран местопребыванием делегации Правительства национальной обороны: «...потому что о продолжении войны и не думали, потому, что надеялись на посещение Жюлем Фавром Ферьера⁹, на слезы Жюля Фавра, потому что рассчитывали на великое кругосветное путешествие г-на Тьера¹⁰. Потому что и не намеревались — скажем это прямо — продолжать борьбу до последней крайности, были полны готовности уступить. Потому что страшились — уж не знаю какой — социалистической затеи и видели врага главным образом внутри страны... Лорье говорил: «Мы здесь долго не провоюем; я беру с собой всего три носовых платка».

Кавалье раскрывает, что свидание в Ферьере, что бы о нем ни говорили, не было личной инициативой Жюля Фавра, а было задумано «сообща с его коллегами». Это как раз и укрепляет нас в мнении, высказанном нами в книге «Париж был предан»¹¹, а именно, что предательство 1870 г. не было неожиданным, случайным, индивидуальным актом, а классовым предательством: надо было любой ценой заключить мир с пруссаками, чтобы успешно вести войну с «бельвилльским сбродом».

* * *

Патриотизм народа являет собой разительный контраст с пораженчеством правящих классов.

Нам удалось отыскать следы лихорадочной деятельности окружных Комитетов бдительности с целью дать толчок национальной обороне. Один неизданный документ¹² дает нам сведения о составе Республиканского комитета I округа. Он состоял из 31 члена, в числе которых были Эжен Шатлен, сочувствовавший Интернационалу, бланкист Констан Мартен, которого мы снова встретим во время Коммуны в делегации народного просвещения, доктор Наппа-Пяке¹³ и доктор Пийо (последний был избран в Совет Коммуны), Самле, Танги, Туссен — будущие члены делегации I округа Коммуны. На своем заседании 17 октября 1870 г. Комитет после изучения проблемы снабжения командировал в мэрию комиссию с целью добиться, чтобы детей кормили в школах. Он решил вынести на обсуждение публичных собраний вопрос о светском, обязательном и бесплатном образовании. Он призывает находящихся в Париже граждан, уроженцев департаментов, организовать на публичных собраниях в комитеты с тем, чтобы Центральный республиканский комитет 20 округов Парижа мог оказывать непосредственное влияние на всю Францию.

⁸ Личный друг Гамбетты; этот адвокат заведовал личным составом министерства внутренних дел.

⁹ Намек на тайное свидание министра иностранных дел и канцлера Бисмарка.

¹⁰ В поисках посредника в европейских столицах.

¹¹ M. Chougy. Paris livré. Les origines de la Commune. Paris, 1960. Рус. перевод: М. Шур и. Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны. Редакция и вступ. статья А. И. Молока. М., 1961.

¹² Archives Préfecture de police. Dossier A 1615.

¹³ Был направлен делегатом Коммуны в мэрию XVI округа. Погиб, сражаясь в дни «кровавой недели».

Республиканский комитет III округа насчитывал 26 членов, избранных на пародных собраниях, состоявшихся в различных кварталах округа. Это были рабочие, служащие, но также ремесленники и владельцы мелких предприятий этого округа, где производились предметы роскоши: фабриканты гребней, перламутровых пуговиц, мастера игрушек, золотых дел мастера, позолотчики меди, граверы и т. д. Комитет объясняет нам¹⁴ происхождение Комитетов бдительности:

«На следующий день после провозглашения Республики народом Парижа Международное Товарищество Рабочих, Федеральная палата рабочих обществ и ревностные граждане выступили во всех округах с инициативой созыва народных собраний в целях создания Комитетов бдительности и обороны, которым будет поручено позаботиться в их округах (либо самим, либо путем неустанных требований от компетентных властей) о срочных мерах, необходимых для обеспечения обороны Парижа и справедливого распределения продуктов и припасов, а также мерах, необходимых для подготовки создания Парижской Коммуны путем выборов в муниципальный совет и, наконец, для укрепления демократической и социальной республики, дабы сделать ее нерушимой».

Далее Комитет излагает перечень мер, предложенных им Центральному комитету, которые должны были быть представлены на рассмотрение правительства «и часть которых была принята им».

Меры, касающиеся общих интересов:

Упразднение префектуры полиции, зачисление бывших полицейских и муниципальных гвардейцев в действующую армию;

Смещение бывших бонапартистских чиновников;

Применение к магистратам всех рангов принципа выборности и ответственности;

Прекращение на время войны и в течение трех месяцев после заключения мира всех гражданских и коммерческих исков;

Отмена всех ограничительных, репрессивных и фискальных законов, направленных против свободы печати, свободы слова, свободы собраний и объединений;

Отмена городских ввозных пошлин (Grosroi);

Усыновление нацией всех сирот;

Исключительно светское образование; отделение церкви от государства, мобилизация всех семинаристов и членов конгрегаций, подпадающих под действие закона о военной службе;

Выборы Парижской Коммуны; увеличение числа ее членов до 160.

Меры, касающиеся национальной обороны:

Избрание мобильной гвардией своих начальников и офицеров;

Всеобщее ополчение; посылка в провинцию комиссаров республики для поднятия революционного духа населения;

Переливка на пушки всех колоколов, колонн и статуй, могущих служить напоминанием о монархии;

Протест против отказа принять помощь Гарибальди и поляков;

Призыв к европейской революции и к республиканцам всех стран.

Меры, касающиеся продовольственного снабжения и внутренней обороны:

Экспроприация во имя общественного блага всех продуктов питания; совершенно бесплатное, нормированное их распределение на равных началах;

Возврат всех предметов первой необходимости, заложенных в ломбарде (постельные принадлежности, домашние пожитки, одежда)¹⁵.

Комитет делегировал двух своих членов в муниципальную Комиссию продовольствия. Он создал медицинский пункт, «свободный от всяких

¹⁴ Bibliothèque Nationale, Ib 57 707.

¹⁵ Это совпадает в основном с программой будущей Парижской Коммуны.

муниципальных и религиозных уз». Он обратился ко всем с призывом о содействии, дабы трудиться «со всей энергией и верой во имя сохранения Французской республики и установления Всемирной республики».

* * *

Жажда борьбы против наступающего врага была всеобщей, об этом свидетельствует любопытная петиция 33 солдат, преданных суду военного трибунала за неподчинение или оскорбления бывшего правительства империи; 18 сентября 1870 г. «они потребовали оружие, дабы содействовать защите отечества»¹⁶.

Архив префектуры полиции содержит папку под названием «Центральный комитет обороны»¹⁷, в которой собрано большое число неизданных документов, направленных изобретателями окружным комитетам. Гражданин Эвио (Pevu) посылает чертеж «новой формы» аэростата, чтобы «дать воздушным мореплавателям средство передвигаться в воздушном пространстве с той же уверенностью и легкостью, какие отличают ныне морское судоходство». Это предок дирижабля... Гражданин Флешель направляет чертежи своего сильно вооруженного «сухопутного двухпалубного подвижного корабля», который вдохновит в дальнейшем изобретателей танка: «Следовало бы иметь по одному такому подвижному кораблю у каждых ворот Парижа, дабы бросить их одновременно в центр вражеской армии... Вся армия осаждающих была бы уничтожена меньше чем за час, а мы не потеряли бы ни одного человека из экипажа бронированных кораблей».

Другой документ большой ценности, обнаруженный в Архиве префектуры полиции, — записная книжка Адольфа Клеманса, в которую будущий член Коммуны заносит свои впечатления изо дня в день¹⁸, с 6 августа до 31 декабря 1870 г. и с 1 по 18 марта 1871 г. Клеманс — рабочий-переносчик, одним из первых вступивший в Интернационал (именно под его влиянием вступает в Интернационал Варлен), рассказывает простыми словами об энтузиазме народа, выражением которого явилось добровольное вступление в ряды национальной гвардии, о сборах средств по подписке на отливку современных замковых пушек, заряжающихся с казенной части, о необычайном возбуждении, всколыхнувшем Париж утром 31 октября при известии о потере Бурже, капитуляции Меца и о сделанном Тьером предложении о перемирии.

Архив содержит также некоторые неизданные протоколы заседаний Центрального комитета Республиканской лиги национальной обороны до последней крайности¹⁹, которые позволяют нам дополнить труд историков Дотри и Шелера²⁰. Протокол от 17 декабря 1870 г. показывает, что к этому времени революционеры были в курсе пораженческих разговоров, которые вел в узком кругу генерал Тропшо. По словам Констан Мартена, «правительство хотело капитуляции». На заседании от 18 декабря изобличали наводивших штабы бонапартистских офицеров. Для гражданина Леварде «правительство, именующее себя Правительством национальной обороны, является, о чем давно поговаривают, Правительством национальной слабости... правительственные деятели страшатся социальной революции... Именно это поставило нас в печальное положение, в котором мы сейчас находимся». Он заявил в заключение, что только революция может спасти Париж. Как сообщил гражданин Саломон, Тропшо заявил, что оборона

¹⁶ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1615.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1013, cotes 11 à 132.

¹⁹ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1615.

²⁰ J. Dautry et L. Scheler, *Le Comité Central Républicain de 20 arrondissements de Paris*. Paris, 1960.

невозможна, но после того как «30 тысяч человек падут на поле боя, честь будет спасена!» Зловещие слова, послужившие прелюдией к организации бойни у Бюанваля, предназначенной для того, чтобы охладить патристический пыл национальной гвардии.

28 декабря «гражданин Монтаред решительно обвиняет правительство в том, что она распыляет силы Парижа, чтобы их уничтожили по частям, а гражданин Бабик утверждает, что революционное средство — «единственное, которое могло бы сейчас послужить народу. Управляемые в течение долгого времени меньшинством монархистов-интриганов, мы должны сейчас быть руководимы меньшинством, преданным интересам народа».

Однако, хотя не эта ориентация революционного меньшинства Парижа восторжествовала вечером 18 марта внутри Центрального комитета федерации национальной гвардии, все же среди его членов имелись энергичные люди. Утром 18 марта гражданин Арнольд писал гражданину Асси, находившемуся неотлучно в помещении Центрального комитета на улице Бафруа:

«Гражданин Асси.

Все как будто идет прекрасно. Войска братаются с народом Бельвилля. Мне только что сообщили, что на Монмартре войска также частично отходят и что это дерзкое предприятие поставило правительство-провокатора в смешное положение. Национальная гвардия повсюду спускается²¹. Вышеизложенные сведения столь важны, что я считаю необходимым убедиться в этом собственными глазами: я отправляюсь туда и приду затем повидать вас.

Мне сообщают, что Орель де Паладин²² подал в отставку. Мы должны действовать. Надо захватить министерство иностранных дел, типографию, префектуру полиции, ратушу. Используем момент. Надо провести чистку персонала. До скорого свидания.

Жорж Арнольд

При сем прилагаются бумаги, планы и сведения, находившиеся в надежном месте, я посылаю их вам с человеком, за которого ручаюсь»²³.

Центральный комитет национальной гвардии, застигнутый врасплох вооруженным нападением Тьера, быстро оправился и ответил на провокацию. Невзданная рукопись Нестора Руссо, найденная нами в Историческом архиве военного министерства²⁴, опровергает тезис, выдвигаемый многими буржуазными историками, согласно которому Центральный комитет оставался в течение всего 18 марта безучастным наблюдателем местной инициативы стихийного движения низов. Нестор Руссо пишет: «После того как был составлен великолепный план атаки на правом и на левом берегу Сены, делавший невозможным всякое сопротивление, один из наших отправился в Бельвилль, чтобы распорядиться своими батальонами и спуститься к ратуше, где в 5(17) часов была назначена встреча. Аналогичные распоряжения были сделаны в отношении батальонов Сен-Антуанского предместья и Тампля»²⁵.

Люлье, на которого вечером 18 марта были возложены обязанности командующего национальной гвардией, получил следующую записку:

«Соизвольте подумать о срочных мерах сохранения ратуши и префектуры, заняв их главными членами Комитета.

²¹ Из рабочих окраин в город (Прим. ред.).

²² Бонапартистский генерал, назначенный Тьером главнокомандующим национальной гвардии (Прим. ред.).

²³ Archives historiques de l'Armée, Château de Vincennes. Carton ly 20 (рукопись).

²⁴ Ibidem.

²⁵ Эти слова подтверждаются, в частности, рукописью Бурсье, цитируемой Лиссагаро, документами, опубликованными Жоржем Ларонзом (G. Laronzo. Histoire de la Commune de 1871. — La justice. Paris, Payot, 1928, p. 10) и версальцем Максимом Дю Каном (M. du Camp. Les convulsions de Paris, t. IV, p. 5).

И тотчас созвать Комитет, чтобы учредить правительство.

Не медлите!

Особенно Эда, Фальто, Арно, Пепди и др.

Пусть соберутся в ратуше этой же ночью»²⁶.

* * *

Но если Центральный комитет принял меры, продиктованные инстинктом самосохранения, то в большинстве своем он был весьма далек от мысли атаковать охваченное паникой версальское правительство в его логове. Архив префектуры полиции раскрывает перед нами слабость сил, которыми располагал Тьер²⁷: у него было лишь три пехотных полка (75-й, 87-й и 165-й) для охраны главных постов. У поста Вильнев л'Этан не было вовсе войск, тогда как тот, «кто овладел бы этой позицией, мог легко бомбардировать Версаль». Не было никаких войск и в «восьми главных пунктах, где пруссаки установили редуты или защитные средства против атак, могущих последовать из Парижа». В Ле-Шене, в лучшем случае ходьбы от Версальского дворца было 200 национальных гвардейцев, вооруженных 80 ружьями, которые заявляли любому, кто хотел их слушать, что они «не пойдут с защитниками порядка против парижан» (донесение Бриссо). Автор донесения от 20 марта сетует на то, что нельзя рассчитывать на помощь артиллерии, установленной перед дворцом.

В донесении от того же числа сообщается, что ежедневно с наступлением ночи пехотинцы собираются в будке стрелочника вокзала Шантье. «Они критикуют действия правительства и стговариваются повлиять на своих товарищей из различных полков с тем, чтобы отвратить их от выполнения долга» (донесение Фонтена). 21-го в ресторане один капрал-каптенармус, рассказывая о братании на Монмартре, «сказал, что сам он, после того как отказался стрелять, с большим удовольствием отдал свое ружье национальным гвардейцам, ибо никогда не согласился бы стрелять в них, и что он скорее стрелял бы в жандармов и полицейских... Капрал-каптенармус добавил, что в его новом паспе есть пуля и если бы ему представился случай, он послал бы ее в генерала Дюкро... Другие военные одобрили эти слова» (донесение Берра). В кафе, на вокзале, на улице, в поездах солдаты громко выражали свои симпатии Коммуне. 23 марта Тьеру пришлось удалиться из Версаля два «непобежденных» полка. Был арестован капрал пеших егерей, который публично заявил: «Нам помешали идти против пруссаков, я не пойду против парижан» (донесение главного комиссара Версаля). Многочисленные документы свидетельствуют о том, что если бы федераты ночью 19 марта или даже 20-го быстро двинулись на Версаль и блокировали его, то рассеянные в беспорядке войска Винуа от казались бы стрелять.

Но Центральный комитет, обвиняемый реакцией в узурпации власти, помышлял лишь о том, чтобы сложить с себя это тяжелое бремя, организовав выборы в Коммуну. Призыв, с которым 25 марта обратились братья Реклю, верно отражал преобладавшее тогда умонастроение: «Мы не хотим ужасной и пагубной борьбы; мы не хотим, чтобы наша республика утопала в крови республиканцев... Суверенный народ, это тебе надлежит положить конец борьбе между твоими уполномоченными, быстро проведя перевыборы... Наше спасение в единении и согласии...»

Реакционеры воспользовались этой миролюбивой позицией федератов, чтобы возобновить наступление. С 21 марта они развернули агитацию в самом Париже. Полицейский Бриссан, рассказывая о первой манифеста-

²⁶ Archives historiques de l'Armée, carton 1y 20. Незаданный документ, на простой бумаге. Подпись: «За начальника легвона, находящегося на улице Вер-Буа». Подпись неразборчива.

²⁷ Archives Préfecture de police. Carton 15.

шии «друзей порядка», подчеркивает, что в этой колонне можно было видеть лишь «господ в шляпах, национальных же гвардейцев почти не было или было немного».

* * *

Когда коммунары оказались вынужденными действовать «незаконно», они умножили предосторожности, чтобы их честность не могла быть поставлена под сомнение.

Мы обнаружили в архиве префектуры полиции среди многочисленных документов²⁸ протокол вскрытия сейфа муниципальной кассы: «24 марта 1871 г. граждане Варлеп и Буи, члены Центрального комитета, вызвали гражданина Мориса Гарро, механика, чтобы вскрыть сейф...» После трех с половиной часов усилий пять свидетелей этой операции смогли пересчитать сокровища города Парижа: «1 284 405 франков 35 сантимов в звонкой монете».

* * *

Осажденная крепость, не имеющая возможности получать помощь извне, рано или поздно обречена на поражение. По-видимому, Коммуна сознавала это. Она умножила контакты с пригородами и провинцией с целью побудить их оказать нажим на Версаль, чтобы заставить его уважать права Парижа и укрепить республику.

Одно полицейское донесение²⁹ сигнализировало о том, что 31 марта в Медоне был арестован продавец газет Мешиль; за полчаса он продал около 60 парижских газет, которые «жители Медона вырывали друг у друга...» В другом донесении рассказывается об аресте парижской учительницы Мари Маньер, на дороге в Сен-Клу, возле Севрского понтонного моста, когда она разносила афиши, листовки, газеты и письма из Парижа. Посланная женщинами Коммуны, она призывала версальских солдат не стрелять в их парижских братьев.

Гражданин Теофиль Валле из XIV округа выполнял с 23 по 29 апреля разведывательную миссию и осуществлял диверсионные акты в тылу врага: в Сен-Дени, Ангьене, Аржантейле, Сен-Жермене, Рюей и Нацтере. Его отчет, очень подробный, фигурирует среди документов архива префектуры полиции³⁰.

Член Коммуны Адольф Клеманс отправился тайно в департамент Сарты. Письмо, которое он послал 18 апреля одному родственнику, жившему в Париже, дает нам сведения о его пребывании в «провинциальном захолустье», одураченном версальской прессой³¹.

В том же архиве мы находим неопубликованные до сих пор подробности о миссии Гастона Коле де Тейяка в Лионском районе³². Литератор, секретарь Энциклопедии XIX в., Коле де Тейяк помог Раулю Риго реорганизовать службы префектуры полиции. Он извездил Швейцарию, где привел в движение рабочие общества, примыкавшие к Интернационалу, а в Лионе установил связь с Лебланом и Дюмоном, которые опередили его там, как делегата Коммуны, и основали газету «Le Cri du peuple lyonnais». Коле отправился в ратушу и с пылом молодости — ему был 31 год — настаивал на присоединении муниципалитета к Коммуне. Ему угрожали арестом, но он ускользнул с револьвером в руке, и вечером на бурном публичном собрании призывал лионских рабочих к восстанию. 30 марта вспыхнуло восстание в рабочих кварталах Лиона, Гийотьер и Круа-Русс, и понадобились пушки, чтобы подавить его. Специальный комиссар полиции г. Кале уведомлял депешей министра внутренних дел о задержании

²⁸ Archives Préfecture de police. Carton 15.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1035.

³¹ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1013.

³² Archives Préfecture de Police. Dossier 1003.

некого бельгийца, разносчика «множества писем», адресованных из Парижа в Брюссель, а также обращений к бельгийскому народу и газет коммунаров³³.

Донесение от 5 мая 1871 г. сигнализирует о том, что в Ромевилле оцупались воздушные шары, запущенные Коммуной³⁴. Речь идет об очень легких и весьма прочных воздушных шарах из бумаги, наполненных осветительным газом, размер которых достигал трех метров в диаметре. Корзина была заменена железным кругом, из которого через каждые четверть часа специальным приспособлением выбрасывало пачку листовок.

В докладе, о повстанческих движениях в провинции, представленном Национальному собранию 4 сентября 1871 г. виконтом де Мо, сообщается о многочисленных попытках помешать продвижению подкреплений, посланных против Парижа, о поддержке железнодорожниками действий Коммуны, о водружении красного знамени в Авиньоне, Монтаржи, Фонтенбло, Монтеро и т. д., о связях Парижа с коммунами Нарбонна и Марселя. Следственная комиссия отмечала: «Даже там, где порядок не был нарушен, не только города, но и целые департаменты готовы были перейти на сторону Коммуны, если бы она продержалась, особенно департаменты Вар, Воклюз, Ардеш, Савойя».

* * *

Одним из наиболее своеобразных и наименее исследованных аспектов деятельности Коммуны является ее забота о том, чтобы передать делегатам, избранным гражданами, возможно больше своих административных функций. Эти попытки самоуправления — народной демократии в полном смысле слова — сохраняют и в наши дни свою ценность в качестве примера.

Когда Коммуна приступила к исполнению своих обязанностей, во Франции не существовало ни законодательства о пенсиях, ни министерства бывших фронтовиков и жертв войны. Нужно было создавать все по крупицам. 2 апреля Коммуна решила принять на свое содержание «семьи граждан, которые пали или падут, отражая преступную агрессию заговорщиков-роялистов против Парижа и Французской республики»³⁵. Специальной комиссией было поручено разработать проект декрета, текст которого был рассмотрен на заседании 10 апреля. Коммуна единодушно решила предоставить ежегодную пенсию в размере 600 франков вдовам погибших национальных гвардейцев, 365 франков — детям до 18 лет и от 100 до 800 франков — родственникам — отцу, матери, братьям и сестрам, которые докажут, что погибший был для них необходимой поддержкой. Обследование должно было быть проведено в каждом округе специальной комиссией из 6 человек, избранных батальонными делегатами данного легиона. Комитет из трех членов Коммуны должен был свести воедино результаты обследования и вынести окончательное решение³⁶. Так, например, 24 марта в Зале празднеств мэрии IV округа 186 делегатов от 11 батальонов IV легиона избрали членов окружной пенсионной комиссии (голосование показало, что наибольшее число голосов, полученных избранными, составило 172, наименьшее — 109)³⁷.

То же было проделано во всех округах. Члены каждой комиссии, поддерживая непосредственную связь с батальонными делегатами, которые превосходно знали положение претендующих на пенсию, провели обследование в несколько дней. Так, к 15 мая комиссия III округа уже решила вопрос о 31 пенсии, вылатила первый месячный взнос и распределила пособия среди 103 раненых. Полный список получающих пенсию с указанием выплачиваемых сумм был помещен в целях общественного контроля в «Journal officiel» за 21 мая.

³³ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 931.

³⁴ Archives Préfecture de police. Dossier Ba 1015, 1016.

³⁵ Procès-verbaux de la Commune, t. I, p. 106.

³⁶ Ibid., p. 102.

³⁷ «Municipalités politiques françaises», t. II, p. 291.

Таким образом, благодаря децентрализации и помощи уполномоченных народа избегли обычной для тяжеловесного и дорогостоящего административного аппарата медлительности. Декрет был принят 11 апреля; не прошло и двух недель, как заинтересованные лица уже первый раз получили на руки свою пенсию. Как видим, Коммуна не только на словах выступила против государства-спрута. «В то время как его предавали, морили голодом и клеветали на него,— писал с гордостью Артур Арну,— этот народ разработал великую идею XIX века и нашел, наконец, точную формулу народного суверенитета».

Если Альберту Тейсу, несмотря на то, что вначале он был совершенно некомпетентен в этом деле (он был рабочим-бронзовщиком), удалось реорганизовать в рекордно короткий срок работу почтового ведомства, саботируемую версальцами, то только потому, что он имел надежную опору в лице рядовых служащих и почтового совета, созданного им в начале апреля³⁸; здесь были представлены все категории служащих. Скромный служащий Кулон был выдвинут на должность старшего чиновника; гражданин Ланда, гравер по меди, стал начальником материальной части, а Капà, энергичный молодой человек 26 лет, был сразу выдвинут на пост директора управления почт департамента Сены. Почтовый совет повысил заработную плату мелким служащим и квартирные деньги, упразднил сверхштатную службу, поставил продвижение по службе в зависимость от накопленного опыта и экзаменов, а не от милости начальников. Он отменил политическую и профессиональную присягу, так же как и штрафы и вычеты. Он установил систему выдачи авансов из жалованья.

Еще более широкими были полномочия Комитета луврских мастерских по ремонту и переделке оружия, подлинного предшественника Советов. Он состоял из директора и пяти уполномоченных, избранных общим собранием всего персонала. Совет имел право знакомиться со всеми внутренними и внешними операциями, и каждый раз, когда он считал необходимым, ему должны были представлять бухгалтерские книги. Именно совет по предложению начальника мастерских принимал на работу и устанавливал заработную плату. Увольнение могло быть только с его решения³⁹.

«Человек управляет сам собой...», — писал 5 апреля великий художник Гюстав Курбе в воззвании к работникам искусств Парижа. 14 апреля более 400 работников искусств — художников, скульпторов, карикатуристов, критиков, архитекторов и орнаментчиков — образовали Федерацию работников искусств, которая выступила за «свободное развитие искусства, избавленного от всякой государственной опеки и от всяких привилегий». Был избран комитет из 47 членов (16 художников, 10 скульпторов, 5 архитекторов, 6 граверов и литографов и 10 представителей декоративного искусства). По истечении годового мандата 15 членов, намеченных путем тайного голосования, будут продолжать исполнять свои функции еще в течение года, остальные 32 члена будут заменены. Выбывшие могут быть вновь избраны не ранее, чем после года перерыва. Таким образом, были приняты все предосторожности, чтобы никакая узкая группа («charnelle») не смогла захватить в свои руки Федерацию.

Комитет взял на себя заботу об административном надзоре и сохранении памятников, музеев и общественных учреждений Парижа, а именно: галерей, коллекций и хранилищ произведений искусств. Он составлял, хранил, исправлял и дополнял планы, инвентарные описи, реестры и каталоги; назначал и смещал администраторов, секретарей, архивариусов и

³⁸ См. рассказ Тейса, опубликованный Элисагаре, и серьезную работу В. Лаурент *La Commune de 1871, les postes, les ballons, le télégraphe*. Paris, éd. Dorbon.

³⁹ См.: «*Murailles politiques françaises*», t. II, p. 159.— «*Journal officiel*», 21.V 1871 (Внутренний регламент, принятый общим собранием служащих 3 мая в Лувре, на котором присутствовало 100 рабочих).

хранителей; организовывал выставки, после истечения срока которых не присуждал никаких наград, распределял обычные работы, заказываемые Коммуной, «среди художников, которых намечали голосованием все выставляемые», а особые работы распределял по конкурсу. Этот Комитет наблюдал за обучением рисованию и лепке в начальных и профессиональных школах, отбирал наиболее одаренных учеников, которые должны были продолжить обучение за счет Коммуны, и публиковал «L'Officiel des Arts», содержащий рубрику, «посвященную рассуждениям об эстетике и открытую для любых мнений и любых систем». Комитет обратился с призывом к гражданам, предлагая им направлять ему все предложения, «имеющие целью прогресс в искусстве, моральное или интеллектуальное раскрепощение художников, улучшение материальных условий их существования».

Среди 47 членов Комитета выделяются имена художников Коро, Курбе, Домье, Лансона, Мане, Милле и Пиккьо, скульпторов Далу и Моро-Вотье, архитекторов Буало-сына и Удино, гравиров-литографов Бракмона и Андре Жилли, «промышленных» художников Фюзье и Эжена Потье, будущего автора «Интернационала».

Другая Федерация объединяла авторов, композиторов, драматических и лирических артистов. Она поставила своей целью положить конец режиму эксплуатации со стороны директоров или какой-либо другой власти и установить в самый кратчайший срок режим ассоциации⁴⁰.

Таким образом, далекая от того, чтобы быть простым «охвостом якобинизма», Коммуна предстала с новой, оригинальной программой «89-года для трудящихся», имевшей своей целью передать в руки производителя орудия производства и ограничить функции государства, доверив управляющие общественными делами самим гражданам через их выборных уполномоченных.

* * *

В следующей статье мы вернемся к архиву префектуры полиции и рассмотрим на основе неизданных документов общей разведывательной службы ход военных операций во время второй осады Парижа и «кровавой недели».

⁴⁰ «Journal officiel», 21 mai 1871.